

СТАТЬИ

УДК 811.161.1'374 + 811.161.1'373.215 +
+ 811.161.1'373.6 + 811.511.1 + 811.17 + 81-115

В. Л. Васильев

НАЗВАНИЯ НА *-ГА* В ОБРАТНОМ СЛОВАРЕ ГИДРОНИМИИ РУССКОГО СЕВЕРО-ЗАПАДА *

Ключевые слова: славянские языки, русский язык, балтийские языки, прибалтийско-финские языки, субстрат, гидронимия, ареал, Русский Северо-Запад, обратный словарь, этимология, сравнительно-исторический метод.

Статья посвящена лингвистическому анализу гидронимов на *-га*. Названия рек и озер на территории Русского Северо-Запада анализируются с точки зрения структурного, словообразовательного и этимологического аспектов. Автор рассматривает более семидесяти гидронимов, включая такие названия крупных водных пространств, как *Луга, Волга, Ладога, Молога* и *Андога*.

В настоящее время при поддержке Российского гуманитарного научного фонда продолжается большая работа, имеющая целью дать систематизированный лингвистический (структурно-словообразовательный и этимологический) анализ названий рек и озер в регионе Русского Северо-Запада (далее РСЗ) с последующим подведением этноисторических итогов исследования. Рассматриваемое пространство РСЗ ограничивается на севере южным побережьем Финского залива, бассейном Невы и южным Приладожьем, на западе — границами Эстонии, Латвии, Белоруссии, на юге продолжается до верховий Днепра, включая верховья Западной Двины и Волги, на востоке включает бассейны Мологи, Паши и правых притоков Суды.

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 08-04-00283а).

© Васильев В. Л., 2011

Исследование проводится на основе обратного словаря гидронимии РСЗ, что позволяет выделить структурно организованные группы и подгруппы («рифмованные сегменты») и охарактеризовать их. Такой подход требует в первую очередь обращения к структурно-словообразовательной стороне названий, и в данном случае — при тотальном учете гидронимического списка — он наиболее целесообразен. Как правило, анализ осуществляется от форманта к основе, от словообразования к этимологии, хотя разграничить эти два уровня зачастую трудно или невозможно.

В настоящей статье в качестве объекта исследования взят сегмент обратного словаря, включающий гидронимы с концовкой *-га*. В регионе РСЗ таких названий собрано 73 — больше, чем на значительном пространстве регионов более южных: бассейнов Днепра, Днестра и Южного Буга вместе взятых (всего 55 по материалам: [Трубачев, 1968, 17; Топоров, Трубачев, 154]). Таким образом, в данном сегменте картина весьма отлична от той, какую можно наблюдать, например, в предшествующем сегменте названий с конечным *-ва* (их на РСЗ тоже насчитывается около семи десятков, но примерно в четыре раза меньше, чем на отмеченных территориях к югу). Группа водных названий на *-га* отличается высоким процентом субстратных форм, порой не находящих надежных этимологических трактовок, включает ряд названий, относящихся к крупным водоемам РСЗ: р. *Луга*, *Волга*, *Молога*, *Андога*, оз. *Ладога*. В целом повышенная концентрация гидронимии с конечным *-га* на РСЗ обязана наличию в ней прибалтийско-финского языкового элемента.

Подгруппу на *-ага* составляют пять водных названий, из которых *Кривчага* и *Мишага* — славянские по происхождению и образованию. Славянский суффикс *-ага* выделяется в них совершенно отчетливо. Насчет *Мишага* у А. И. Попова были сомнения в его «славянскости», поскольку в средневековых источниках встречается форма *Пишага* [Попов, 36]. Сомнения эти напрасны, ибо в родственных дериватах от *мох* (< *мъхъ* >) ассимилятивные процессы *ми* > *пи*, *ми* > *ви* — явление вполне очевидное, прослеживаемое на ряде конкретных фактов: ср. средневековое *Пхи*, иначе *Мхи*, пожня под Новгородом XVI в. [ПКНЗ, 1, 420], донск. *опшѣник* ‘омшаник’ [СРДГ, 2, 205], куйбыш. *пишаник* ‘омшаник, зимнее помещение для пчел’ [СРНГ, 33, 182]; ср. также новгородскую фамилию *Пишанский* (< *Мишанский*) и р. *Пховица* в регионе РСЗ (< *Мховица*).

Гидронимы *Толдага/Талдага*, *Ютага* маркируют уже прибалтийско-финский слой. Очевидно, безударный исход *-ага* в них — вариант более распространенных формантов *-ога* или *-ега*, анализ которых дан ниже. Применительно к *Ютага* (иначе — *Ютика*, *Юшинка*; в последнем буква *ш* ошибочно записана вместо *т*), р. среди притоков Ладожского оз., имеются разные пути этимологического обоснования. Топооснова допускает, во-первых, сближение с фин. *huutiä* (*huuriä*) ‘сова, филин’: вероятность ее адаптации в *Ют-* подтверждает ойконим *Ютева Гора* в Заонежье, трактуемый с привлечением карельского личного

прозвища *Huutiä* [Муллонен, 2008, 156]; во-вторых, можно учесть прибалтийско-фин. *uitto* ‘низменный, заливаемый водой сенокосный луг’, ‘пространство между двумя возвышенностями, долина’, ‘топкое, зыбкое место’ [SKES, 1522], усвоенное в русской языковой среде не только в виде *уйта*, но и как *юта* с общим значением ‘болото, трясина’ [Мызников, 2003, 298–300] — оба эти слова фиксируются в онежских говорах [см., например: СРГК, 6, 594, 943–944]. По структуре в эту же группу на *-ага* можно включить неясное *Шавага*: это единичное имя закреплено за ничтожно малым ручьем, впадающим в р. Мсту в среднем течении.

Далее следует более заметная подгруппа водных названий на *-ега*, из них 11 с тремя и более слогами (двусложные рассматриваются отдельно). Прибалтийско-финский характер форманта *-ега* констатировался еще исследователями середины XIX в. (А. И. Шегрен, М. А. Кастрен). Названия рек на *-ега* встречаются довольно часто почти по всей территории Русского Севера, и, безусловно, регион РСЗ оказывается продолжением этого севернорусского ареала. Такие названия являлись атрибутивными сочетаниями, во второй части которых лежит преобразованный на русской почве детерминант со значением ‘река’ (< фин. *joki*, карел.-ливв. *jogi*, люд. *d’ogi*, вепс. *d’ögi, jogi*, эст. *jõgi* с дальнейшими соответствиями в финно-угорских и самодийских языках [см.: Матвеев, 2001, 254]). В регионе РСЗ такую структуру имеют названия р. *Мегрега* среди притоков Ладожского оз., *Кусега*, прав. пр. Сяси, *Панега* басс. Мологи, *Кондега*, дважды *Пинега*, *Сязнега/Сязеньга* басс. Паши. Изначальное место ударения в них — первый слог, что значительно облегчало условия русской адаптации детерминанта вплоть до полной редукции предпоследнего гласного. Поэтому к формам на *-ега* естественным образом примыкают формы на *-йга, -яга*: *Майга/Маяга*, равно как и *Маяга*, — обе реки в басс. Паши, *Пуйга*, р. из оз. *Пудоро* в Помостье, *Шуйга*, р. из оз. *Шугозеро* басс. Паши. Ясно, что названия *Майга, Пуйга, Шуйга* показывают более продвинутую русскую адаптацию и на промежуточном этапе имели вид **Маега, *Пуега, *Шуега*. В основной части этих первоначальных сочетаний нередко находят отражение типовые для прибалтийско-финской топонимии апеллятивы: фин., карел. *kuusi*, вод. *küsi*, вепс. *kuž* ‘ель’ [SSA, 1, 460] (> *Кусега* ‘еловая река’), карел.-ливв. *kondie, kondī*, вепс. *koñd’i* ‘медведь’ [SKES, 215] (> *Кондега* ‘медвежья река’), карел. *mäkrä*, люд. *mägr(e)*, вепс. *mägr* ‘барсук’ [SSA, 2, 195] (> *Мегрега* ‘барсучья река’), фин., ижор., карел., люд. *maja* ‘хижина, шалаш, обычно из веток хвойных деревьев’ [Там же, 140] (> *Майга, Маяга*), фин. *rii*, ижор. *rī*, карел. *rii*, люд. *rī*, вепс. *ri*, эст. *rii* ‘дерево, лесина’ [Там же, 443–444] (> *Пуйга*), карел.-ливв. *šuo* ‘болото’ [SKES, 1109] (> *Шуйга*), фин. *pieni*, карел. *pien’i* ‘малый, маленький’ (> *Пинега*; для этимологизации основы полезно учесть также глоссирующий вариант *Малая Пинега* этого названия на одной из карт 1-й половины XIX в. [см.: СГЮВП, 94]).

Имеется случай, когда формант *-ега* прибалтийско-финского происхождения, похоже, был присоединен к славянской основе гидронима. Так, р. *Воронега*

(*Воронежка*), впадающая в Ладожское озеро, в документе начала XVII в. названа *Вороняя*: «в Нево озеро пала река Вороняя» [КБЧ, 154]. В Приладожье средневековая письменность знает и другие реки с равноосновными названиями: р. *Ворона* (*Вороняя*, *Воронья*) [ПКОП, 100], известная сегодня как р. *Шакшозерка* среди притоков Пидьмы басс. Свири, неподалеку есть оз. *Воронье* и порог *Вороньпорог* на Ивине [СГЮВП, 6, 10, 11]; р. «*Воронаи*» (т. е. *Вороняя?*), известная по летописному рассказу 1164 г. о приходе шведов под г. Ладогу, где они потерпели поражение и «отступиша въ рѣку Воронаи» [НПЛ, 31, 218]; есть еще пара рек с названием *Ворон* в сопредельных басс. Мологи и Суды, р. *Воронка*, впадающая в Финский залив и др. (всего в регионе РСЗ насчитывается более двух десятков гидронимов на *Ворон-*). Все такие названия отсылают к рус. *ворон*, *ворона*, обозначениям птиц, или к адъективу *воронной* этого же корня, обозначающему черный цвет (обычно о масти лошадей). Поскольку выявлены факты переводных названий с данной основой (ср. «на Воронье поле словоет в Вариш-палды», Водлозерский пог. XVI в. [ПКОП, 175]), то, похоже, некая доля *Ворон-*гидронимов — кальки с прибалтийско-финских прототипов; вероятность такого калькирования демонстрируют случаи неморфологической гидронимизации апеллятивов типа речных названий *Ворон*. Что касается *Воронега* (< *Вороняя*), то данное название, сохраняющее исконное ударение на третьем слоге, скорее всего иллюстрирует специфическую возможность сравнительно позднего (после XVII в.) наслоения иноязычного форманта на славянскую основу по аналогии с другими прибалтийско-финскими образованиями на *-ега*, нередкими в ареале юго-восточного Приладожья. О славянском характере основы свидетельствует также факт расположения вблизи устья р. Воронеге деревни *Вороново* (Волховский р-н Ленинградской обл.), наименованной по прежней форме гидронима *Вороняя*, равно как и то обстоятельство, что р. *Воронега* (*Воронежка*) порой именуется *Вороновка* [см.: Кисловской, 25].

Разумеется, и сам ареал на *-ега* может испытывать влияние со стороны смежных ареалов. Так, название р. *Сязнега* басс. Паши имеет вариант *Сязеньга*, возникший под воздействием мощного севернорусского скопления гидронимов на *-еньга* на более восточных территориях — в центральной и восточной частях Вологодской обл. и в Архангельской обл. [см.: Матвеев, 2001, 261–275, 340].

Название *Немега* на РСЗ, на первый взгляд прибалтийско-финское (из фин., карел. *niemi* ‘мыс’ + *-ега*, адаптированное из «речного» детерминанта; ср. р. *Немнюга*, дважды в Архангельской обл. [Матвеев, 2004, 54]), вызывает подозрения в трактовке его как ‘мысовая река’ хотя бы потому, что оно приложено не к реке, а к озеру басс. Мсты, со стоком в р. Березайка. Более приемлемо объяснение из балтийского, следы которого нередки в данном районе. Явной параллелью видится *Немига*, р. в верхнем Поднепровье (Подесенье): к балт. **Ne-meig-*, **Nemig-* [Топоров, Трубачев, 198]; в плане номинативной семантики — ‘незапруженное озеро; неперегороженное озеро’ (ср. лтш. *miēga*, лит. *miėgà* ‘закром, загородка (для овощей, картофеля)’) — это решение вполне убедительно.

Безусловным балтизмом должно считать и *Выдега*, р. среди притоков верхней Ловати, ср. соответствия в р. *Vadagà (Vedegà), Vadagēlis, Vedegà* в Литве [Vanagas, 1981, 358], *Ведога, Ведуга, Вудуга, Ведьга* среди притоков Днепра, Сожи и Десны, к ним же и *Ведуга*, лев. пр. Дона [Топоров, Трубачев, 154, 157, 178].

Гидронимия, в которой отчетливо выделяется речной формант *-ега* прибалтийско-финского происхождения, прослеживается в регионе РСЗ не западнее среднего течения Мсты и не южнее басс. Сяси. Поэтому уже по ареальным сопоставлениям сомнительно относить название р. *Пелега* у границы с Латвией (прав. пр. Кухвы, лев. пр. Великой) к прибалтийско-финскому слою, равно как фонетически сходное и территориально близкое *Пелюга*, относящееся, что показательно, не к реке, а к озеру басс. Плюссы. Скорее, *Пелега*, р., и *Пелюга*, оз., находят соответствия в наименованиях ряда озер в Литве: *Pēlekas, Pelākis, Pelakūš* (< *Pelēkis*), — р. *Pelekà*, происхождение которых не очевидно: к лит. *pēlekas* ‘рыбий плавник, рыбий хвост; клешня рака’ или к сложению **Pek-akis, *Pel-ekis* [см.: Vanagas, 1970, 111, 112; 1981, 253]. При таком сближении исходы гидронимов *Пелега, Пелюга* показывают «подстраивание» под форманты *-ега, -юга*, произошедшее в славянском языковом окружении.

Двусложная структура ряда водных названий на РСЗ как правило не позволяет видеть в них формант, восходящий к детерминанту со значением ‘река, вода’. Это такие двусложные названия, в которых конечному элементу *-га* предшествует гласный (*Нега, Нига/Ниго, Мига, Щига, Жога, Чога, Луга, Многа, Юга*) или твердый согласный (*Мезга, Музга, Волга, Мга, Кянга, Санга, Бурга, Карга, Сарга*). В целом эти гидронимы объединяет, помимо структурного сходства, отчетливо субстратный характер: здесь почти нет надежно квалифицируемых славянских основ. К безусловно славянским относится только повторяющееся *Музга*, р. в Поволховье и оз. в басс. Полы: к новг. *музгá* в значениях ‘ива, заросли ивняка’, ‘мелкий лес, кустарник’ или даже в метеорологическом значении ‘мокрый снег’, ‘плохая осенняя погода’ [НОС, 5, 106]. А вот *Мезга* среди притоков Кобожи, лев. пр. Мологи на западе Вологодской обл. (наряду с приречной д. *Мезга* неподалеку от г. Устюжны), скорее нужно считать неславянским гидронимом, связи которого тянутся к западу, ср. р. *Месгушка* в басс. р. Великой.

Название одной из крупных рек в регионе РСЗ — *Луга* (по-водски *Laugazješi*, по-фински *Laikaanjoki*, подразумевающее номинативную форму **lauas* из **lauyas* [см.: Mikkola, 1938, 10, 16]), по наиболее предпочтительной версии, связано с эст. *laugas* ‘лу́жа, болото’, ‘яма, углубление’ [Фасмер, 2, 528; Попов, 87; Агеева, 220; Никонов, 242]; кроме того, привлекают иные апеллятивы: фин. *laukea*, эст. *lauk, laug* ‘отмель’, т. е. *Луга* — ‘река с отмелями’ [Шилов, 1999, 93].

Гидроним *Многа*, прав. пр. Великой, имеет «родственника» в среднем Поднепровье: *Многа/Многи/Мпоко/Мпохе*, р. в течении Сулы [Маштаков, 61]. О. Н. Трубачев, констатирующий «славянскость» *Многа*, оставил его без дальнейших комментариев [Трубачев, 1968, 77]. На наш взгляд, лучше обсуждать

Многа как «полуславянский» гидроним или, точнее говоря, как славянскую кальку балтийского гидронима. Действительно, для славянской водной номенклатуры апеллятив *многа* (*многая*) нехарактерен, его место занимают апеллятивы *великая*, *большая*. Для балтийской же гидронимии типовой является основа *Daug-* (например, в Литве пять р. *Daūgupis*, две р. *Daugupỹs*, р. *Daugupė*, *Daugupalis*, *Dauguva* [LUEV, 27–28], есть *Dauguva/Daugava*, латышское название Западной Двины, и др.), соотносительная с апеллятивами, имеющими, помимо прочих, основное значение ‘много, многих’ (ср., например, исключительную активность *daug-* в формировании сложных слов типа лит. *daugiamžis*, *daugiākampis*, *daugiašakis*, эквивалентных русским сложениям на *много-*). Разумеется, местоименное значение ‘много, многих’ вряд ли ожидаемо и в балтийской номинации рек, однако известно, что корень *daug-* обладает также и значением качественных прилагательных: лит. *daūg* ‘обильно, изобильно’, *daugūs* ‘изобильный, богатый’ [LKŽ]. Как раз с учетом этой качественной адъективной семантики обычно трактуются такие балтийские гидронимы, как *Daūgupis* [см.: Vanagas, 1981, 81]. В связи с этим целесообразно считать речной гидроним *Многа* на Псковщине не слишком точным славянским переводом балт. *Daug-*, ориентированным на местоименно-наречный (и, надо полагать, более поздний, вторичный) смысловой компонент этой типовой балтийской гидронимической основы.

Балтийским нужно признать название р. *Жога* в басс. Плюссы, ср. р. *Žāgupis* или *Žag-ūpė*, луг *Žāgė*, р. *Žagiėnis*, бол. *Žaginis* в Литве [LUEV, 202] и лит. *žagti* ‘загрязнять (еду, воду)’, лтш. *žagt* ‘делать кому-нибудь плохо; воровать’ [Vanagas, 1981, 396]. Название р. *Бурга* в среднем Помостье (рядом с ж.-д. ст. *Бурга* в Маловишерском р-не Новгородской обл.) можно соотнести с лит. *buīgė* ‘топкая грязь, топкое болото’ [Невская, 320] и с р. *Burg-upelis*, *Burgėlis*, оз. *Būrgis* в Литве [Vanagas, 1981, 74; LUEV, 23–24]; допустимо, однако, привлечь еще рус. диал. *бурга́* ‘широкая и глубокая яма в реке’ Бежец. Твер. [СРНГ, 3, 283], но и сам этот гидрографический термин выглядит балтизмом, ср., помимо лит. *burgė*, еще лит. *burgėti* ‘бурлить, бить ключом’.

Иные двусложные гидронимы в приведенном выше списке локализованы в восточной половине региона РСЗ (кроме *Струга*, *Белая Струга* на Псковщине и темного *Щига* в басс. Оредежа) и показывают прибалтийско-финский след. Коснусь некоторых интересных случаев. *Волга* (крохотная речка среди притоков Чагоды) предполагает карел. *valkie*, люд. *valged*, вепс. *vauged* ‘белый’, имея соответствия с р. *Валга*, *Валга/Вальга* и т. п. [см. о них: Матвеев, 2004, 33]. Более того, в местном гидроландшафте находится подтверждение такому этимологическому решению: речка *Волга* течет из болота, в котором рядом с ее истоками лежит оз. *Белое*. Название *Волга* показывает адаптацию краткого прибалтийско-фин. *ā* в виде рус. *o* (*Valg-* > *Волг-*), что было характерно для периода ранних русско-прибалтийско-финских контактов [см.: Kalima, 47].

Данный гидронимический факт, локализованный на западе Вологодской обл. (Бабаевский р-н), нужно отделить от проблемы происхождения названия великой русской р. Волги, начинающейся из оз. *Волго*, которое расположено на южной окраине рассматриваемого региона РСЗ. Название этой Волги нельзя возвести к указанному финноязычному обозначению белого цвета (вопреки мнению таких исследователей, как А. Л. Погодин, И. Развадовский, Л. Беднарчук), поскольку оно продолжает др.-рус. форму с редуцированным — *Вьлга*, ср. «върху Вьлзѣ», «Поволожсье» (< *Повьлжсье*) в [НПЛ, 55] (за 1216 г.). Более того, указывались фонетически безукоризненные параллели далеко за пределами исторической финноязычной территории: польск. р. *Wilga* басс. Вислы, чеш. р. *Vlha* басс. Лабы, а также рус. *волглый* ‘сырой’, *волгнуть* ‘отсыреть’, польск. *wilgoć* ‘влажность’ — все эти факты позволили Фасмеру возвести *Волга* к праслав. **Vьlga* [Фасмер, 1, 336–337]. Вместе с тем в структурно-деривационном отношении *Волга* скорее следует считать отглагольным балтизмом, нежели славянизмом, ср. лит. *vilgà* ‘сырость, влага’, *vilgti*, *vilgyti* ‘мочить, делать влажным’ [LKŽ]. Замечу, что в районе верхневолжских озер балтийская гидронимия весьма заметна, а польск. *Wilga* и чеш. *Vlha* могут быть отнесены к западной периферии балтийского пространства в Центральной Европе. Балтизмом считает название Волги также В. Н. Топоров, но выдвигает иную гипотезу: от балт. **ulg-*, вариантного к *ilg-* ‘длинный’, имея в виду удлиненную форму источника для реки Волги озера *Волго* [см.: Топоров, 1991, 47–62; 2000, 369–372, 406].

Название *Мга*, лев. пр. Невы, есть результат преобразования субстратной формы *Muja* [Попов, 44–62], сохраненной ойконимом *Муя*, д. и ур. (Кировский р-н Ленинградской обл.) на левом берегу Мги в среднем течении. Это развитие сравнительно позднее (средневековой письменностью зафиксирована промежуточная форма *Мья*), спровоцированное смещением ударения в гидрониме на второй слог (ср. аналогичный акцентный сдвиг в *Мста* р. < *Мьста* < *Musta*, от приоб.-фин. *musta* ‘черный’) при сохранении исконного ударения в ойкониме. Рефлексация $j > \gamma > g$, донесенная формой *Мга*, имеет место в приоб.-фин. диалектах: она ведет к появлению фонетических вариантов типа вепс. *ju’* и *g’iir’* ‘корень’ [СВЯ, 91] или *Sürj* и *Sür’g* в вепсской топонимии, см. ниже *Сюр’га*. Этимологическая трактовка гидронимной формы *Muja* гадательна: в частности, указывалось на созвучие с ижор. *tuja* ‘баба’ [Кисловской, 95].

Чога, р. в басс. Паши, показывает гидронимизацию вепс. *čoga* ‘угол’, хотя такие названия более характерны для ойконимии, а не гидронимии вепсов [см.: Муллонен, 1994, 110]. С наименованием р. *Санга* в низовьях Луги ср. фин. *sänki*, ливв., люд. *sän’gi* ‘жнивье’ [SKES, 1167–1168]. *Карга*, лев. пр. Мологи, возводимо к карел. *kagra* ‘овес’, ср. название д. *Кагра* на берегу р. Карги (Максатихинский р-н Тверской обл.), не испытавшее метатезы. Учитывая территориальный аспект — локализацию в местах массового проживания тверских карел — предпочтительно видеть в *Карга* проявление позднего карельского субстрата, который складывался здесь с XVII в.

Что касается названия р. *Юга* в южном Приладожье, то оно коррелирует с термином *юга* ‘ручей’, который зафиксирован С. А. Мызниковым в Пудожском р-не Карелии (с. Черново: «Эта юга через пудожскую дорогу протекает»), он же указывает параллельные названия руч. *Юга* в районе Пудожа (с. Каршево), протока *Юга* в бывшей Олонецкой губернии (по материалам Шайжина 1903 г.), р. *Юги* (по словарю Герасимова) [Мызников, 2003, 309]. Термин *юга*, закрепленный в гидронимах, был унаследован, очевидно, из субстратной формы **juga* со значением ‘река, вода’, родственной изосемантическим приб.-фин. лексемам — фин. *joki*, карел. *jogi*, люд. *d’ogi* и т. п., но существенно отличающейся от них своим вокализмом. Хорошо известны случаи гидронимического преломления ближайшей субстратной формы **jug* (р. *Юг* в Вологодской, Архангельской, Костромской, Нижегородской обл.), тогда как форма **juga* закреплялась обыкновенно в функции детерминанта, ср. р. *Изюга*, *Немнюга*, *Ухтюга* и т. п., всего более сотни потамонимов, локализуемых, как правило, далеко к востоку от региона РСЗ [Матвеев, 2001, 249–252].

Некоторые водные названия РСЗ оканчиваются на *-га*, которому предшествуют мягкие согласные (помимо рассмотренных выше названий на *-йга*). На Русском Севере такие гидронимы нередко отражают редуцированный вариант адаптации приб.-фин. детерминанта со значением ‘река’ [Матвеев, 2001, 253], но в списке РСЗ все они оказались деапеллятивными. *Шульга* повторяет рус. диал. *шульгá* ‘левша’, и река действительно является левым притоком Ловати в ее среднем течении. *Сюрьга*, руч. басс. Паши, мотивировано скорее всего вепс. апеллятивом *siirj* ‘край’, более широко закрепляющимся в вепсской ойконимии [Муллонен, 1994, 109], хотя есть еще сев.-рус. *сюрга* ‘крутая гора, холм’ в Подпорожском р-не Ленинградской обл. [Мызников, 2003, 294–295]. *Масельга/Массельга*, р. в басс. Сяси, соотносится с карел. *maaselga* ‘водораздельный хребет’ [Мамонтова, Муллонен, 60–61, 105], несколько таких названий есть в басс. Свири [Муллонен, 1994, 68]. *Ольга*, р. среди притоков Суды, выглядит гидронимизированным сев.-рус. (олон.) *ольга* ‘болото’ [Даль, 2, 672; Куликовский, 71], из фин. *alho* ‘низменное место, болото’ [Kalima, 175]¹. С *Вельга*, руч. из оз. *Велго* в басс. Паши, ср. локализованные на смежной территории рус. диал. *вельга* ‘заросшие травой участки озер’, ‘низкое сырое место’, ‘заливные луга’ в говорах северо-восточных районов Новгородской обл., там же *Вельга*, бол. [НОС, 1, III] (к вопросу о приб.-фин. или саам. происхождении данного термина см.: [МСФУСЗ, 79–81; Шилов, 2010, 203–204]).

¹ Высказывалась мысль о том, что редкое сев.-рус. *ольга* ‘болото’ является произносительным вариантом основной опорной лексемы *орга* ‘густой лес’, ‘низменное болотное место, поросшее лесом’, частотной и устойчивой в говорах Обонежья [Мызников, 2003, 262–264; Мызников, 2004, 69–71]. Однако само наличие р. *Ольга* в басс. Суды, д. *Ольга* в Каргополье заставляет, скорее, думать не о побочном фонетическом варианте, а о самостоятельной лексеме со своей этимологией.

В регионе РСЗ гидронимия на *-ога*, включающая три и более слогов (всего 11 названий), не более чем в трети случаев являет собой субстратные финноязычные сочетания с «речным» детерминантом (восходящим, вероятно, к **juga* со значением ‘река, вода’ [Матвеев, 2001, 252]). Такую структуру обнаруживают названия р. *Авлога*, впадающей в оз. Ладожское, р. *Андога*, лев. пр. Суды (ср. с иными детерминантами *Андома*, *Андоба*, *Анданга*, р. в Обонежье и Белозерье), и р. *Молога*, лев. пр. Волги (ср. *Молома*, *Молохта*, *Молокша*, *Молокча*, *Молонда*, *Молонга*, *Мола*, р. на территории исторической Ростово-Суздальской земли). Гидронимические основы *Анд-* и *Мол-*, приуроченные в регионе РСЗ к сравнительно крупным рекам, повторяясь на широких пространствах, репрезентируют очень древний, скорее доприбалтийско-финский, гидронимический слой, причем межтерриториальные параллели гидронима *Андога* уходят на северо-восток и, может быть, на север², а гидронима *Молога* — исключительно на юго-восток, в Волго-Окское междуречье³. Ударение в *Молога*, закрепленное ныне на втором слоге, само по себе намекает на раннеславянское усвоение этого названия.

Среди водных названий с «речной» концовкой *-ога* на РСЗ обнаруживается единственный лимноним — оз. *Ладога*, но в этом своем качестве он не исконен и дублирует первоначальное приб.-фин. название реки, которая сегодня именуется *Ладожка*, лев. пр. Волхова. Сначала речное имя было перенесено на смежное поселение, ставшее древнерусским г. *Ладога*, а затем, вследствие большой значимости этого города, название распространилось на подвластную городу большую территорию, в том числе на большое озеро, ставшее *Ладожским*, или *Ладогой*, подробнее см.: [Роспонд, 53; Попов, 90–91; Нерозник, 101–102; Васильев, 94–101]. Этимологической трактовке названия существенно помогает его древнескандинавская форма, сохраненная рунической письменностью: *Aldeigja* (*Aldeigjuborg*). По мнению Е. Н. Джаксон, сканд. *Aldeigja* появилось, вероятно, сначала как имя реки (современной Ладожки), а затем поселения, причем др.-рус. название *Ладога* было адаптировано из этой скандинавской формы (ввиду того что первыми поселенцами в Ладоге были не славяне, а скандинавы), которая, в свою очередь, отразила исконное приб.-фин. название реки [Джаксон, 105–107]. Последнее реконструируют в виде **Alode-jogi* — от фин. *alode*, *aloe* ‘низкая местность’ [Mikkola, 1906, 10–11] или **Ala-djogi* ‘нижняя река’ [Попов, 91]. Версия, поддержанная Фасмером (из фин. **aaldokas*, *aallokas* ‘волнующийся’ применительно к обозначению именно Ладожского озера, а не реки) [Фасмер, 2, 448], неубедительна.

Кроме этих хорошо известных гидронимов, имеется единичное *Тропога* (р. в басс. Луги) неясного строения и этимологии, а также *Радога*, прав. пр. Кирвы,

² Е. А. Хелимский сближает *Андога* с гидронимами на *Ундо-* (*Ундозеро* с р. *Ундоша*) и на *Ондо-* (оз. *Ондозеро* в центральной Карелии), возводя все эти названия к одному гипотетическому прафинно-саамскому этимону [Хелимский, 73–74].

³ Кстати, есть еще р. *Молога* в басс. р. Костромы (Костромская обл.).

лев. пр. Мологи. Этот последний гидроним, наряду с равноосновными названиями р. *Радуга*, лев. пр. Рени, прав. пр. Мологи, р. *Радуга* в среднем Помостье, вытекающей из оз. *Радоское* (<*Радожское*, к **Радоба*), и р. *Радуга* (вариант *Радуйка*) в среднем течении Ловати, хорошо трактуется на славянском языковом материале, поскольку, во-первых, основа *рад-* высокочастотна на всем славянском пространстве и, во-вторых, способна сочетаться с самыми разными славянскими суффиксами (ср. наличие на РСЗ р. *Радоха*, *Радаха*, *Радец*, *Радоль*, *Радонька*, *Радуй*, *Радуля* и др.). Пересечение формантов, наблюдаемое в приведенных формах (*Радоба*/*Радуга*/*Радуйка*), тоже намекает на славизмы. Впрочем, при рассмотрении массива гидронимии на *Рад-* нельзя сбрасывать со счетов сев.-рус. ландшафтный термин *ра́да*, *ра́до* ‘болото, топкое место’, ‘болотное растение (хвош)’, происхождение которого окончательно не установлено [Мызников, 2003, 274–276].

Для остальных же гидронимических фактов на *-оба* говорить об исходном «речном» детерминанте нет достаточных оснований. *Вадоба*, р. в оз. Габардусское басс. Паши, возводится к реконструированному вепс. **vadag* ‘низкое болотистое место’, сопоставляемому с фин. *vataja* ‘болотистое, поросшее кустарником или чахлым лесом место’ [Муллонен, 1994, 63–64]. Гидронимическими балтизмами, пережившими восточнославянский рефлекс полногласия, следует считать *Ворога*, лев. пр. Синей, лев. пр. Великой (ср. р. *Varg-upỹs*, *Varg-upẽlis*, холм *Vaĩg-a-kalnis*, луг *Varg-ā-pievē* и т. п. в Литве, бол. *Verga-purvs* в Латвии, которые предположительно связывают с лит. *vaĩgti* ‘испытывать трудности, нужду’, *vaĩgũs* ‘трудный, тяжелый’ [Vanagas, 1981, 363]), и *Сорога*, приток оз. Селигер близ Осташкова, ср. *Saĩg-upė*, *Saĩg-upis* и т. п. в Литве и Латвии, к лит. *sargas*, лтш. *sargs* ‘сторож’ [Vanagas, 1981, 290; Топоров, 1995, 33]. Как подчеркивает А. Ванагас, литовские названия на *Sarg-* часто относятся к холмам (на которых раньше нередко располагалось сторожевое охранение), что подсказывает пути мотивировки и соответствующей гидронимии⁴.

В группе на *-оба* есть пара двухосновных гидронимов, один из которых — *Ломиноба* — позднее русское сложение по модели «императив + существительное». Второй — загадочное *Веснеболоба* (или *Вескеболоба*, но этот вариант появился из-за смешения похожих букв *н* и *к*), лев. пр. Алоли, вытекающий из оз. *Веснеболог*, в центральной части Псковской обл. На мой взгляд, этот древнейший гидроним вторым своим компонентом (а возможно, и первым) сходится с польск. *Osoblōga* (вар. *Ossoblōka*, *Ossa*, *Osa*, чеш. *Osoblaha*, нем. *Die Hotzenplotz*, *Ossa Bach*), р. в басс. Одры, юго-западная Силезия [НО, 41]. В. Э. Орел, рассматривая данный гидроним и приводя подобные польские гидронимы *Oskoblōk* (*Osoblōk*, *Ostrolōk*, *Oskobok*) из басс. Варты, квалифицирует их как германские композиты **aska /i-baki-* ‘ясеневый ручей’ [Орел, 1989, 114–115; 1997, 347], что весьма

⁴ В этой связи заметим, что д. *Сорога* у берега р. Сорочи в Осташковском р-не Тверской обл. тоже стоит на холме.

сомнительно, особенно если привлечь созвучный псковский гидронимический факт. О. Н. Трубачев приравнивает второй компонент в польск. *Osobłoga*, чеш. *Osoblaha* к праслав. **bolgъ* ‘хороший, добрый’, но и в первом компоненте видит такой же смысл (и.-е. **цесу-с* ‘добрый, хороший’), предполагая здесь дублетное или глоссирующее наименование с внутренней формой ‘*bonum + bonum*’ [Трубачев, 2005, 164–165]. В том, что в пск. *Веснеболога/Вескеболога* заключено праслав. **bolg-*, сомнений нет, но первый компонент нуждается в прояснении. В качестве этимологического наблюдения хочется заметить, что *Весне-* в псковском названии смежных реки и озера тоже может отсылать к тому же и.-е. корню, что *Oso-* в польск. *Osobłoga*, но расширенному суффиксом *-n-* — **цес-н-*. Ср. на уровне апеллятивов праслав. **veselъjъ* (> рус. *веселый*) с иным суффиксальным расширением этого же и.-е. корня **цесу-* [Фасмер, 1, 303] наряду с праслав. **vesna*, которое Брюкнер связывает с **veselъjъ* по данному корню [Brückner, 607]. Само же древнейшее название *Веснеболога (Веснеболог)*, похоже, было перенесено ранними славянами на РСЗ из очага славянских миграций в Центральной Европе.

Небольшой «рифмованный» сегмент гидронимии на *-уга* в регионе РСЗ (более десятка трехсложных имен) почти не дает оснований для выделения финноязычного «речного» детерминанта. В этом отношении регион РСЗ заметно отличен от территории Русского Севера, где речные названия на *-уга/-юга* — наиболее многочисленный тип из всей совокупности названий на *-Vz(a)* [Матвеев, 2001, 250]. Исключение, пожалуй, составляет название р. *Винтуга* басс. Сяси, в котором формант *-уга*, судя по характеру основы и по ареальным данным, подразумевает именно возведение к детерминанту. *Винтуга* соотносится с гидронимией на *Венд-* в басс. Ояти (*Вендозеро, Вендболото*), с *Вендяг/Вяньдяк/Вягдик*, руч. в басс. Паши [СГЮВП, 91], с карел.-ливв. *vendo* ‘вязкий, жидкий’, карел. сев. *ventto* ‘слабый, хрупкий’, фин. диал. *vento* ‘топкое, зыбкое, покрытое водой болото’ [SKES, 1698–1699]; к ним возводят сев.-рус. *вэндура* ‘нетопкое место на болоте, где обычно растет морошка’, *вэндурьы* ‘кочки на болоте’ и т. п. [Мызников, 2003, 222–223].

Гидронимический сегмент на *-уга* в регионе РСЗ, в отличие от сегмента на *-ога*, не является сугубо «речным» — около половины его составляют лимнонимы: оз. *Афруга, Белая Струга, Плечуга/Плещуга, Почуга, Вердуга*. Конечное *-уга* в них выступает суффиксом и чаще всего славянским, достаточно продуктивным у восточных славян для образования различных экспрессивов. Некоторые из этих лимнонимов слишком гадательны с этимологической стороны, но известно, что славянский суффикс *-уга* может оформлять и неславянские основы. Так, *Почуга*, оз. в басс. р. Плюссы (северная Псковщина), скорее всего репрезентирует своей основой сев.-рус. *пóча, почá* ‘низкое, заливаемое водой место; болото; старое речное русло’, *пóтча, потчá* ‘речной или озерный залив, затон, губа’ [СРНГ, 30, 318, 371], оформленное русским экспрессивным *-уга* (ср. структурно сходное *почагá* ‘лу́жа, которая долго не просыхает после половодья, дождей’ Костром. [Там же, 371]). Происхождение самого же исходного сев.-рус.

термина неясно: предполагают заимствование из прибалт.-фин. или саам. языкового источника [Мамонтова, Муллонен, 74–75; Шилов, 1997, 14–15; Матвеев, 2001, 222].

Вместе с тем конечно *-уга* иногда является «переработкой» собственно балтийской суффиксации. Лимноним *Вердуга* в басс. Плюссы допускает сближение с длинным рядом балтийских гидронимов на *Verd-*, среди которых оз. *Verdūnas*, оз. *Verdingis*, р. *Verdēnē*, *Verdēnis* в Литве, источник *Verdošs avuots*, р. *Vērde* в Латвии; на *Vard-* (ср. лит. р. *Vardūkšnis*, оз. *Ap-wardaī*, лтш. оз. *Vařdulis*, оз. *Varduoklis* и др., прус. *Wardo*); на *Virđ-*: р. *Virđa* в Литве [Vanagas, 1981, 362]; за пределами современной Балтии — р. *Верда*, *Вердица* в среднем (Рязанском) Поочье [Смолицкая, 179, 185, 186]. Балтийские гидронимы сравнивают с лит. *verdēnis* ‘источник, родник’, *virđuklis* ‘то же’, исходя из трех вариантов балтийского корня: *vard-/verd-/virđ-* [см.: Vanagas, 1981, 362; Fraenkel, 1225; Vūga, 1, 515; 2, 646], сюда же еще лит. *verdenē* ‘родник, ключ’, ‘водоворот’, ‘топкое место’, *virđulis* ‘родник, источник’ [Невская, 372, 373]. Особенно показательным в этом списке апеллятивов является лит. *virđuklis* ‘родник, источник’, поскольку именно его суффиксальная структура (*virđukl-*), похоже, была адаптирована в гидроним *Вердуга* на РСЗ. Этот тезис подкрепляется спецификой адаптации балт. *-ukl-* > слав. *-уг-а*, которая имела место не только в этом случае. Действительно, результат такой суффиксальной «переработки» в более заметном виде проступает в названии крупного оз. *Белая Струга* басс. р. Великой. На первый взгляд, мы видим гидронимическое закрепление славянского термина *струга*, в Псковской обл. — это ‘фарватер’, ‘рукав реки’, ‘проток’, ‘ручей’, ‘боковой залив, старица’, ‘болото, топь, образованные небольшими речками’ [Мурзаев, 2, 217], в Новгородской обл. — ‘поток, ручей’, ‘неглубокий омут’, ‘яма с водой’, ‘глубокая яма на дне реки’, ‘мелкое место в реке или озере с топким дном’ и др. [НОС, 10, 169]. Однако известно, что из оз. *Белая Струга* вытекает руч. *Струглица/Струлица*, лев.-пр. Великой. Название этой озерной речки закономерно образовалось от лимнонима, основа которого некогда имела облик **Strugl-*, **Strukl-*, с наличием *l*-ового суффикса, невозможного в славянском, но типичного для балтийского. Этимологом здесь являлись формы типа лит. *strūklė*, лтш. *strūkla*, *strūkle* ‘струя воды’, ‘особый слой, жила (водяная, металла и т. п.) в земле’ [Невская, 365], лтш. *strūgla* ‘струя воды’ [Фасмер, 3, 783], по смыслу — указание на непроточное озеро. Таким образом, формант *-уга* по крайней мере в лимнонимах *Вердуга*, *Белая Струга* уверенно квалифицируется как генетически балтийский, но преобразованный на славянской почве (по аналогии со славянским суффиксом *-уга*)⁵.

⁵ Сообщалось о том, что *Вердуга* на РСЗ имеет варианты *Вердуй*, *Вердья*, и с учетом эст., вепс. *oja* ‘ручей’ предполагалось более вероятным прибалтийско-финское происхождение данного гидронима [Агеева, 95–96]. Однако встает вопрос о достоверности сведений: варианты *Вердуй*, *Вердья* автором не документированы и по средневековой письменности неизвестны, в отличие от формы *Вердуга*, которая многократно отмечается еще в XV в., будучи отнесенной то к озеру,

В то же время речное название *Струга* (прав. пр. Липенки, впадающей в Псковское оз., и р. в оз. Полобжа басс. Мологи) следует объяснять как гидронимическое преломление славянского гидрографического термина *стру́га*, хорошо известного в народных говорах региона РСЗ (см. выше).

Оз. *Вердуга* имеет своим истоком р. *Вердуга*, прав. пр. Плюссы. В данной озерно-речной микросистеме потамоним появился благодаря переносу: он дублирует первичный лимноним. Обратное невероятно не только в силу общих системных соображений (активность номинативной модели ‘озеро’ > ‘озерная река’ на РСЗ [см.: Васильев, 2009б, 45–46]), но и с точки зрения деривационных особенностей: лимноним в таком случае обыкновенно имеет отчетливо выраженную суффиксальную производность от потамонима, а не дублирует его. Одним из примеров, иллюстрирующих эту закономерность, может служить и само вариантное наименование озера Вердуга — *Завердужье*, которое, в свою очередь, получено по ойкониму *Завердужье* (д. в Лужском р-не Ленинградской обл., на истоке р. Вердуга из озера, по смысловой мотивировке — «деревня за р. Вердугой или за оз. Вердугой»).

Формант *-уга* допускает смешение с формантом *-уха*, что видно по названию р. *Омуга*, иначе *Омуха*, лев. пр. Плюссы. Суффиксальное оформление здесь скорее всего славянское, сравнительно с основной более позднее, как и в лимнониме *Омино/Омчино* близ г. Луга в Ленинградской обл.; данная основа известна на РСЗ также в более архаическом суффикс-флексивном оформлении — оз. *Омо* в бывшем Великолукском уезде Псковской губернии. Ранее нами обосновывалась атрибуция гидронимов на *Ом-* (*Омитица*, *Омуга/Омуха*, *Омо*) как древнеевропейских, занесенных на РСЗ древними балтами, но находящихся соответствия не только в балтийском этноязыковом пространстве, но и далеко за его пределами — прежде всего в Центральной и Южной Европе [Васильев, 2009а, 270–271]. Среди гидронимических соответствий — лит. *Amatà*, *Amālė*, лтш. *Amalka*, *Amule*, прус. *Amelung*, *Ammelung* [Vanagas, 1981, 41; Endzelin, 136; Endzelīns, 25; Gerullis, 9], *Амонь*, прав. пр. Сейма в Поднепровье [Хенгст, 101] (согласно [Топоров, Трубачев, 22], *Амонь* — «возможно, из иранского»); сюда же р. *Amance* во Франции, *Ems* и *Ohm* в Германии, *Amitas* в Италии, *Αμμίτης* в Греции и Македонии, топонимы *Amantia* в Иллирии и *Amantini* в Паннонии [Krahe, 1964, 42]. Что касается апеллятивной поддержки, то данный ряд сближают с алб. *amë* ‘ложе реки’, греч. *ἀμῆρα* ‘ров, канава, борозда’, хетт. *amijara* ‘то же’ [Krahe, 1964, 42], праслав. **jata*, рус. *яма* [Фасмер, 4, 555]. Меньше шансов имеет сближение гидронимов

то к вытекающей из озера реке, то к смежной деревне на территории Шелонской пятины [см.: НПК, IV, 79, 82; НПК, V, 18, 520, 522–524, 526, 528–531, 537, 539, 541, 543, 544, 546]. Как бы то ни было, форма *Вердуга* наиболее авторитетна этимологически при том, что концовки *-уй*, *-уя* могут отсылать и к балтийскому языковому элементу (суффиксы *-oj-*, *-uoj-* в водных названиях Балтии нередки [Vanagas, 1970, 185, 203]).

Омо, *Омуга* и т. п. с финским термином *иота* ‘русло’, ‘глубина, небольшая долина’ [SSA, 3, 373], который за пределами Финляндии малоизвестен.

В целом гидронимическая подгруппа с конечными *-уга*, а также *-’уга*, *-’ага* рассредоточена в западном и центральном секторах региона РСЗ. Несколько таких гидронимов (р. *Вердуга*, *Омуга*, оз. *Почуга*, там же и оз. *Пелюга*, *Кривляга*, *Цуряга*) компактно локализируются в небольшом басс. Плюссы — это, пожалуй, единственное место на РСЗ, где данные форманты получили более системное развитие.

Названий на *-яга* (*-’ага*) — помимо рассмотренного выше приб.-фин. *Майга/Маяга* — всего два, оба генетические славизмы: *Кривляга*, оз. в басс. Плюссы (ср. максимально близкое по структуре *Кривчага*, см. выше), и *Цуряга*. На последнем стоит задержаться: это дериват со славянским экспрессивным суффиксом *-’ага* от сев.-рус. (олон., новг.) *ч’ура*, *чур’а* ‘крупный песок, гравий, мелкий камень’, *ч’в-ра* ‘то же’ [КСРНГ; СРГК, 6, 807]. *Цуряга* показывает «цокающий» вариант исходного термина, который отражен в арх. (каргопольск.) *ц’юра* ‘песок, гравий’ (< карел. *šuuru* ‘гравий’, вепс. *tšur* ‘то же’) [см.: Kalima, 242; Фасмер, 4, 386].

Агеева Р. А. Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. М., 1989.

Васильев В. Л. Обойти всю Русу и Ладогу // Рус. речь. 2008. № 2. С. 94–101.

Васильев В. Л. Древнеевропейская гидронимия на Русском Северо-Западе // Балто-славянские исследования. XVIII : сб. науч. тр. М., 2009а. С. 262–278.

Васильев В. Л. К вопросу о суффикс-флективном способе топонимообразования // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы междунар. науч. конф. Екатеринбург, 8–19 сент. 2009 г. Екатеринбург, 2009б. С. 45–46.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1998.

Джаксон Т. Н. AUSTR Í GÖRÐUM: Древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. М., 2001.

КБЧ — Книга Большому Чертежу / под. ред. К. Н. Сербиной. М., 1950.

Кисловской С. В. Знаете ли вы? Словарь географических названий Ленинградской области. Л., 1974.

КСРНГ — картотека Словаря русских народных говоров (хранится в ИЛИ РАН, г. Санкт-Петербург).

Куликовский Г. И. Словарь областного олонекского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.

Мамонтова Н. Н., Муллонен И. И. Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск, 1991.

Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. 1. Екатеринбург, 2001 ; Ч. 2. Екатеринбург, 2004.

Маштаков П. Л. Список рек Днепровского бассейна. СПб., 1913.

МСФУСЗ — Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера. Екатеринбург, 2004. Вып. 1.

Муллонен И. И. Очерки вепсской топонимии. СПб., 1994.

- Муллонен И. И. Топонимия Заонежья : словарь с историко-культурными комментариями. Петрозаводск, 2008.
- Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов : в 2 т. М., 1999.
- Мызников С. А. Русские говоры Обонежья: ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения. СПб., 2003.
- Мызников С. А. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: этимологический и лингвогеографический анализ. СПб., 2004.
- Невская Л. Г. Словарь балтийских географических апеллятивов // Балто-славянский сборник. М., 1972. С. 315–376.
- Нерозник В. П. Названия древнерусских городов. М., 1983.
- Никонов В. А. Краткий топонимический словарь. М., 1966.
- НО — современные крупномасштабные (1:100000, 1:25000) топографические карты Новгородской области.
- НОС — Новгородский областной словарь / отв. ред. В. П. Строгова. Вып. 1–12. Новгород, 1992–1995 ; Вып. 13. Великий Новгород, 2000.
- НПК — Новгородские писцовые книги, изд. императорской Археографической комиссией. Т. 1–6. СПб., 1859–1910.
- НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / под ред. А. Н. Насонова. М. ; Л., 1950.
- Орел В. Э. Из этимологических наблюдений над гидронимами бассейна Варты // Onomastica. 1989. Т. 33. С. 109–121.
- Орел В. Э. Неславянская гидронимия бассейнов Вислы и Одера // Балто-славянские исследования. 1988–1996. М., 1997. С. 332–357.
- ПКНЗ — Писцовые книги Новгородской земли / сост. К. В. Баранов. Т. 1–5. М., 1999–2004.
- ПКОП — Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930.
- Попов А. И. Следы времен минувших. Из истории географических названий Ленинградской, Псковской и Новгородской областей. Л., 1981.
- Роспонд С. Структура и стратиграфия древнерусских топонимов // Восточнославянская ономастика. М., 1972. С. 9–89.
- СВЯ — Словарь вепского языка / сост. М. И. Зайцева, М. И. Муллонен. Л., 1972.
- СГЮВП — Муллонен И. И., Азарова И. В., Герд А. С. Словарь гидронимов Юго-Восточного Приладожья (бассейн реки Свирь). СПб., 1997.
- Смолицкая Г. П. Гидронимия бассейна Оки. М., 1976.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А. С. Герд. Вып. 1–6. СПб., 1994–2005.
- СРДГ — Словарь русских донских говоров : в 3 т. Ростов н/Д, 1976.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова. Вып. 1–40–. М. ; Л. ; СПб., 1965–2007–.
- Топоров В. Н. Еще раз о названии Волга // Языкознание. Литературоведение. История. История науки. К 80-летию С. Б. Бернштейна. М., 1991. С. 47–62.
- Топоров В. Н. О северо-западном локусе балтийской гидронимии (из цикла «По окраинам древней Балтии») // Res Balticae. I. Pisa, 1995. P. 13–40.
- Топоров В. Н. О балтийском слое русской истории // К 60-летию Б. Н. Флори. М., 2000. С. 349–411.
- Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.
- Трубачев О. Н. Названия рек Правобережной Украины (Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация). М., 1968.
- Трубачев О. Н. Труды по этимологии: Слово. История. Культура. Т. 2. М., 2005.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева : в 4 т. М., 1986–1987.

- Хелимский Е. А.* Наследие северо-западной группы финно-угорских языков в субстратной топонимии и лексике: реконструкции, историческая фонетика, этимология // Ономастика в кругу гуманитарных наук : материалы междунар. науч. конф., Екатеринбург, 20–23 сент. 2005 г. Екатеринбург, 2005. С. 71–74.
- Хенгст К.* Древнеевропейские гидронимы у восточных славян // Ономастика Поволжья. М., 2001. С. 96–105.
- Шилов А. Л.* Ареальные связи топонимии Заволочья и географическая терминология Заволочской чуди // Вопр. языкознания. 1997. № 6. С. 3–21.
- Шилов А. Л.* Заметки по исторической топонимике Русского Севера. М., 1999.
- Шилов А. Л.* Топонимические ареалы и древние миграции восточных славян // Язык и традиционная культура Русского Северо-Запада : сб. ст. памяти Л. Я. Петровой. Великий Новгород, 2010. С. 197–208.
- Brückner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1927 ; Idem. 2 wyd. Warszawa, 1957.
- Būga K.* Rinktiniai raštai. T. I–III. Vilnius, 1958–1961.
- Endzelin J.* Die lettländischen Gewässernamen // Zeitschrift für slavische Philologie. Bd. XI. Berlin, 1934.
- Endzelīns J.* Latvijas PSR vietvārdi. D.1, sējumi 1. Rīga, 1956.
- Fraenkel E.* Litauisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I–II. Heidelberg ; Göttingen, 1955.
- Gerullis G.* Die altpreussischen Ortsnamen. Berlin ; Leipzig, 1922.
- Kalima J.* Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen // Mémoires de la Société finno-ougrienne. XLIV. Helsinki, 1919.
- Krahe H.* Unsere ältesten Flussnamen. Wiesbaden, 1964.
- LKŽ — Lietuvių kalbos žodynas. T. I–XX. Vilnius, 1941–2002 / [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://www.lkz.lt>.
- LUEV — Lietuvos TSR upių ir ežerų vardynas. Vilnius, 1963.
- Mikkola J. J.* Ladoga, Laatokka // Journal de la Société Finno-ougrienne. T. XXIII : 23, 1906.
- Mikkola J. J.* Die älteren Berührungen zwischen Ostseefinnisch und Russisch. Helsinki, 1938.
- SKES — Suomen kielen etymologinen sanakirja. I–VII. Helsinki, 1955–1981.
- SSA — Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1–3. Helsinki, 1992–2000.
- Vanagas A.* Lietuvos TSR hidronimų daryba. Vilnius, 1970.
- Vanagas A.* Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas. Vilnius, 1981.

Рукопись поступила в редакцию 06.10.2010 г.